«РАБОЧИЙ» — РОСТОВСКИЙ ЖУРНАЛ 1883 ГОДА

Предисловие В. Невского Послесловие С. Валка

ПО ДОРОГЕ К МАРКСИЗМУ

Ленина и его последователей часто упрекали в том, что они отказались от наследства 60—80-х годов, т. е. от тех идеалов и заветов, которые выработали и оставили нам выдающиеся революционеры, лучшие люди эпохи героического народничества и «Народной Воли».

Эти лицемерные упреки уже давно были опровергнуты прежде всего работами самого В. И. Ленина и затем той огромной практической деятельностью русских революционных социал-демократов — большевиков и коммунистов, давших результаты, каких не могут теперь отрицать даже самые яростные империалисты и социал-фашисты всех стран и мастей.

Мы не будем здесь повторять того, что известно всякому мало-мальски уважающему себя исследователю, фактов, говорящих о том, как еще в 90-х годах Ленин показал, что лучшими хранителями лучших, действительно революционных идеалов и заветов 60-х, 70-х и 80-х годов, оставленных революционным народничеством и «Народной Волей», являлись и являемся мы, коммунисты-большевики.

Такие работы Ленина, как «Что такое друзья народа и как они воюют с социалдемократами», «От какого наследства мы отказываемся», «Задачи русских социалдемократов» и вообще те его труды, где трактуется вопрос о наследстве, общеизвестны.-

Не об этом идет речь. Нам хочется подчеркнуть, что с каждым днем, с каждым новым документом о революционном рабочем движении 70—90-х годов в России, находимым исследователями в архивах, мы все больше и больше убеждаемся в правильности той интерпретации, какую давал Ленин, изучая славную эпоху революционного народничества и «Народной Воли».

Публикуемый здесь впервые документ — текст рабочего журнала, изданного ростовскими рабочими-народовольцами в 1883 г. — еще раз подтверждает правильность объяснения этого периода русской революционной истории Лениным.

Это, повидимому, действительно текст того самого журнала, который издавался замечательной группой ростовских рабочих периода 1882—1883 гг. во главе с Андреем Карпенко и Виталием Кудряшовым.

Трудно предположить, чтобы это был текст того журнала под названием «Накануне», о двух номерах которого говорит П. Н. Пешекеров в своих известных воспоминаниях ^{1} .

Не говоря уже о прямых свидительствах, приводимых т. Валком и хорошо известных всем исследователям рабочего движения и прямо указывающих, что в название журнала во всяком случае входило слово «Рабочий», нужно принять во внимание то, что в журнале «Накануне» (вышло два номера) трактовались не только вопросы

¹ П. Пештекеров, Пропаганда народовольцев среди рабочих в Ростове-на-Дону в 1882—1884 гг., в сборнике «Народовольцы после 1 марта 1881 года», М., 1928, изд. Политкаторжан, стр. 120.

76

рабочей жизни, но что журнал носил общеполитический характер и что «Хроника рабочей жизни» помещалась «между прочим».

Из публикуемого же текста видно, что журнал, издававшийся рабочими, за исключением «Обращения к войскам», весь был посвящен жизни и интересам пролетариата. Инициатива рабочих в этом деле прежде всего и отразилась на содержании журнала.

Не мешает в данном случае вспомнить следующее место из Ленина, относящееся как раз к периоду первой половины 80-х годов: «...Практическая революционная работа развивалась тоже совсем в неожиданном направлении. Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и «шли в народ». За осуществление этой программы взялась масса энергичнейших и талантливых работников, которым на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика. Решено было, впрочем, что дело не в мужике, а в правительстве, - и вся работа была направлена на борьбу с правительством, борьбу, которую вели одни уже только интеллигенты и примыкавшие иногда к ним рабочие. Сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее время эта теория видимо утрачивает уже всякий кредит, и борьба с становится борьбой радикалов правительством народовольцев за политическую свободу» 1.

Ленин подчеркивает здесь как то, что борьба народовольцев к началу 90-х годов вырождалась в борьбу радикально настроенной буржуазной интеллигенции, так и то, что борьбу во имя социализма вели и рабочие.

Вот в этой-то борьбе и вырабатывались такие типы рабочих, как А. Карпенко или В. Кудряшов, которые либо совсем переходили (хотя и не сразу) на сторону учения К. Маркса, либо, как А. Карпенко, говорили прозой, быть может хорошо и не сознавая, что проза эта есть тот путь, что указан К. Марксом и первыми русскими социал-демократами.

А какое огромное значение имели рабочие такого типа, мы находим опять же у Ленина: «История рабочего движения всех стран показывает, что раньше всего и легче всего воспринимают идеи социализма наилучше поставленные слои рабочих. Из них главным образом берутся те рабочие-передовики, которых выдвигает всякое рабочее движение, рабочие, умеющие приобретать полное доверие рабочих масс, рабочие, которые посвящают себя всецело делу просвещения и организации пролетариата, рабочие, которые вполне сознательно воспринимают социализм и которые даже самостоятельно вырабатывали социалистические теории. Всякое жизненное рабочее движение выдвигало таких вождей рабочих, своих Прудонов и Вальянов, Вейтлингов и Бебелей» 3.

Вот к такой категории, если и не к Прудонам и Вальянам, то к такой категории рабочих, которые стали социалистами, организаторами пролетарната, и следует отнести ту группу ростовских рабочих, из недр которой в 1883 г. вышел журнал «Рабочий».

Это была действительно замечательная группа народовольцев-рабочих, оказавших большое влияние на развитие рабочего движения на всем юге России 80-х годов. О вамечательной деятельности и роли А. Карпенко говорят многие деятели этой впохи в своих мемуарах (Пешекеров, Панкратов, Макаревский и др.).

Следы этой деятельности рабочих-народовольцев долго были еще заметны в Ростовена-Дону и в других городах юга Россин.

Пишущий эти строки, например, еще юношей в первой половине 90-х годов встретился с одним из членов этой группы, рабочим революционером, по убеждению народовольцем, и получал от него народовольческую литературу.

¹ Ленин, Сочинения, изд. 3, т. I, стр. 179—180.

³ Ленин, Соч., т. II, стр. 574.

Но замечательнее всего то, что некоторые из рабочих этой группы под влиянием развивающегося рабочего движения становились из народовольцев социал-демократами, как например В. Кудряшов.

Не будет ошибки, если мы скажем, что логика движения подготовила их к этому уже давно и что этой логикой движения они вынуждались своей главной работой делать пропаганду среди рабочих, и притом так, что им невольно приходилось обращаться к учению Маркса.

Оставаясь народовольцами, они в то же время и жизнью, и учением Маркса тол-кались на новый путь рабочего социалистического движения.

Таким переходного характера кружком, видимо, и был ростовский кружок 1883 г. Обращаясь к взглядам этого кружка, как они выражаются в «Рабочем», мы видим, что его, действительно, иначе, как переходным, назвать нельзя.

Здесь нет еще марксизма, но здесь нет уже и старого ярко выраженного народничества.

Прежде всего авторы статей сами путаются в тех новых понятиях, с которыми они только что познакомились: у них всюду вместо термина «рабочая сила» фигурирует слово «труд», причиною социальных бедствий они считают «правительство, настоящий государственный строй» и т. п., но вместе с тем они уже понимают, что такое прибавочная стоимость, как она возникает, какое участие принимают классы в производственном процессе, им уже довольно ясна классовая структура общества и т. п.

Они сохранили еще многое от Лассаля, перед ними еще маячит образ критически мыслящей личности, но они уже довольно хорошо понимают и те конкретные формы, в которых перед ними развертывается классовая борьба и в деревне, и в городе.

И уж само собой разумеется, что они превосходно знают быт и условия рабочей жизни, и в этой области из-под их пера выходят действительно потрясающие картины, рисующие положение рабочего класса.

Этой путаницы гораздо меньше в тех статьях, где трактуются основные понятия политической экономии, по той простой причине, что здесь авторы излагали учение К. Маркса о ценности, об общественно необходимом труде, о капитале и т. п. (Эта статья здесь не переиздается.)

Нельзя того же сказать о статье, в которой делается попытка изложить русскую историю («Очерки истории русского народа»).

Здесь, не имея такого надежного руководителя, как «Капитал» К. Маркса, авторы отдали дань господствующему мировозэрению народничества.

Образование государства мыслится автором как результат завоевания, а не как результат социально-экономических факторов; князь, возникновение этого института мыслится как результат добровольного волеизъявления трудящихся масс; вся борьба русских князей с кочевниками и татарами объясняется традиционными представлениями о борьбе Руси со степью и т. д., и т. п.

Самое возникновение крепостного права рисуется в виде обычного представления насилия князя и боярина над крестьянином, — экономики, процесса развития производственных и классовых отношений в этом объяснении нет и следа.

Словом, борьбы классов как пружины истории мы не найдем в этом популярном изложении.

Что же характернее всего в этой статье? Автор ее, повидимому рабочий, отдал дань традиционному представлению рабочего-народника о христианстве. Говоря о проникновении христианства в Россию, автор пишет: «Эта вера называется христианской, но она вовсе не то, чему учил Иисус Христос. Христос учил всех жить между собою, как хорошие братья, любить ближнего, как самого себя. Он не признавал ни богатых, ни бедных,—все были для него равны. Он отвергал всякую власть человека над человеком, всякое насилие. Православие же, то-есть православные попы да монахи, говорили, чтобы народ покорился князю, они говорили народу, что князь самим богом поставлен».

Полезно вспомнить и сравнить это место статьи ростовского «Рабочего» со следующим местом программы «Северно-русского рабочего союза» С. Халтурина и В. Обнорского: «Вспомните, кто первый откликнулся на великие слова Христа, кто первый

был носителем его учения о любви и братстве, перевернувшего весь старый мир, простые поселяне... Мы тоже зовемся к проповеди, мы тоже призываемся быть апостолами нового, но в сущности только непонятого и позабытого учения Христа».

Если южане-рабочие не так резко и определенно, как их северные собратья, формулировали мысль, что современный социализм и учение Христа — одно и то же, то все-таки примиренческое отношение к евангелию налицо и отожествление двух учений, хотя и не такое решительное, все же факт.

Эта черта обоих документов 1878—1879 гг. и 1883 г. на севере и на юге оченъ характерна для русского народничества, и это позволяет, пожалуй, сказать, что как автором документа 1879 г., так и автором статьи «Рабочего» был пролетарий типа С. Халтурина и В. Обнорското.

Впрочем это обстоятельство не должно нас смущать, если мы вспомним, что идея социализма и идея Xриста уживались в народничестве не только у рабочих.

Зато общий характер мировоззрения ростовских рабочих 1883 г. вырисовывается довольно отчетливо: они революционеры и социалисты.

Первое видно решительно из всех их статей: они держатся мнения, что тольковосстанием рабочих и крестьян возможно решить дело, они зовут на помощь солдат, они верят в близкий приход этого восстания («Развязка не за торами, час возмездия с врагами и тиранами уже наступает!»).

Что они социалисты, это видно из их неоднократных заявлений.

«Движение рабочих,— пишут ростовские пролетарии,— с целью разрушения существующего экономического и политического строя как единственного выхода из настоящего положения приняло уже широкие размеры не только за границей, но и у нас на Руси».

Хотя они продолжают еще оставаться во власти демократических принципов — свобода, равенство и братство,— однако они несомненные социалисты, члены, как они сами называют ее, «Социально-революционной партии».

Мы не имеем на страницах «Рабочего» систематического изложения программы наподобие программы «Северно-русского рабочего союза», да этого и не было нужно, так как ростовские рабочие были членами партии «Народной Воли», но мы находим все элементы этой северной программы с прибавлением уже довольно резко обозначенных черт, слабо намеченных в 1878—1879 гг., черт, характеризующих ростовскую рабочую группу как народовольческую, переходную от народничества к марксизму.

В ней налицо и элементы народнического мировоззрения, и элементы, из которых скоро выйдут настоящие социал-демократы рабочие.

В этом и заключается большая историческая ценность печатаемых документов. Из печатаемого ниже текста все это видно прекрасно.

Новая публикация лишний раз подтверждает исторические взгляды, развитые Лениным по вопросам нашего революционного движения; она, так сказать, новосторжество этих взглядов, новое доказательство правильности и силы этих взглядов.

Этот документ указывает нам на то, как и чем следует заниматься современному историку.

В свете тех указаний, какие дал нам т. Сталин в своей последней статье, мы должны сказать: есть документ и документ. Мало того: каждый документ следует рассматривать так, чтобы самые отдаленные моменты нашей истории оживали переднами в связи с теми задачами, какие ставит перед нами партийная современность.

И вот, если с этой точки зрения взглянуть на печатаемый документ, мы должны отдать себе ясный отчет в том, как жизненна, как сильна теория, сумевшая под пером Ленина еще в рабочем движении первой половины 80-х годов найти такие явления, которые, развившись и окрепши, под руководством революционной партии привели к результатам, потрясшим весь мир.

[ЖУРНАЛ «РАБОЧИЙ»]

письмо к солдатам

Вы чуть ли не вчера еще ходили по родным нивам, с косой или за плугом, чуть ли не вчера, облитые потом, стучали молотками на фабриках и заводах; еще недавно вы так горячо любили родную семью, товарищей, родину! Теперь вы оторваны от всего этого: на вас надели мундир, и какая, посмотрите, промадная разница между вчерашним крестьянином, фаб-

Thurs so we certisemene.

How ryme un ne breju eme from no prontens nu band it kown was a request, remein ne briga. observate nomicer inguin exercin kaine he epilopunaje u juliduji; eme ne sobno en munt represon Vaice poby we ceres moraprine podray! Thereps de omoblande ome been omore: he bace martin engrisups a kunua, housempumb, efricultural pagunga inevery bie famenne triomianunoine, paspurnant una zabicicult programs a confinement confamant. Ma oumarbembe garpare bace be pyku kake may ka comotus the enspremen. It in movemen ne outrain overit rape-tumo una es clouden commun la das panu. no epiromocine bamuje m mockete la apakusrote! Neuropunt or nazuaramen dura zayumu closers ombiecraba, no na carnoone Thurb for me jamannunn, a cham omerecemba, bu pazoprome ero, bu ybem может пищету в колект разграничком ресскиго rupoda; bu monumi noiann u pazentuemi npukintrari baragene, damoi, empetionelse. In open cannon acces a famous spamount expressions.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РОСТОВСКОГО ЖУРНАЛА 1883 Г. «РАБОЧИЙ» С оригинала, хранящегося в Ленинградском отделении Центрархива

ричным или заводским рабочим и сегодняшним солдатом! Правительство забрало вас в руки как силу, на которую оно опирается. И что только не выделывает царь-батюшка с своими барами да боярами посредством ваших штыков да прикладов! Положим, вы назначаетесь для защиты свосго отечества, но на самом деле вы не защитники, а враги отечества, вы разоряете его, вы увеличиваете нищету вконец разграбленного русского народа; вы топчете ногами и разбиваете прикладами все честное, святое, справедливое... Вы враги сами себе и вашим братьям-мужикам.

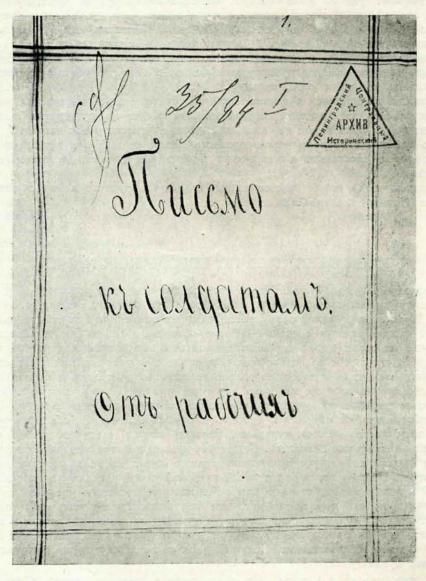
Вспомните, например, русско-турецкую войну и все последствия ее, так гибельно отразившиеся на жизни крестьянина и рабочего. Вас тысячами

гнали на поля сражений, как скот на бойню; вы умирали от гнилых сухарей, которыми вас кормили ваши заботливые начальники; вспомните, каким обильным потоком разливалась русская кровь по горам и равлинам Турции! Из-за чего же все это? Из-за чего у нас теперь тысячи вдов и сирот; из-за чего остались отцы и матери без поддержки любимых сыновей? Не из-за того ли, чтобы освободить сербов и болгар от турецкого гнета? Нет! Это был обман, предлог со стороны русского правительства. Ему захотелось отнять у турок замученных славян для собственной выгоды; захотелось прославить себя, показать другим государствам, что оно сильнее их. И вот собирается войско, начинаются кровавые схватки, с каждым днем вырастают новые могилы, куда десятками тысяч сваливают обезображенные трупы русских солдат. Турки наконец разбиты; болгары и сербы в руках нашего батюшки-царя, а уж он, сердечный, позаботится об их участи: вместо того чтобы дать им полную свободу управлять собой, как они сами желали этого, он наложил на них свою заботливую лапу; таким образом славяне, ценою стольких потерь не освободившись от турецкого гнета, подпадают еще под гнет русского правительства. Спросите любого серба или болгара об их жизни, и они скажут вам, что им живется теперь ничуть не лучше, чем жилось при турках. Значит, совершенно напрасно погибло 200 тысяч русской молодежи. — Но правительству мало показалось той крови, которая разлилась по турецким степям; оно не удовольствовалось тем, что русские солдаты безропотно покидали своих матерей, отцов, жен и детей; оно не удовольствовалось тем, что все они геройски отдавали свою жизнь, не зная в точности за что. Правительству захотелось еще пролить кровь внутри родимой нам Руси. И вы, солдаты, взятые из деревень, будто забыли, как, ходя за сохой, с вас лились кровь и пот. Не вы ли еще вчера говорили, что земли у крестьянина мало, что с ней нельзя прокормиться? Не вы ли еще вчера заявляли в волости, что подати велики, что их платить крестьянин не в силах? Не у вас ли еще вчера прохвост-становой вел со двора последнюю лошадь, корову за подать, за недоимку? И вот теперь правительство, оторвав вас от всего родного, дав вам тесак и ружье со штыком, посылает вас вместе с становым в обнищалую деревню выколачивать прикладами подати из ограбленного мужика; — вы заряжаете ружья, стреляете в крестьян, не думая совершенно о том, что спустя 5 лет вы опять вернетесь в деревню и будете тянуть прежнюю лямку, и из вас самих, точно так же, как вы когда-то, будут выколачивать царские налоги.

Вы — солдаты, взятые из фабрики или с завода; не вы ли еще вчера кричали, что рабочей платы мало на пропитание, что налоги и акцизы велики, а их платить приходится на каждом шагу? Не вы ли, работая по 12, 14 и 18 часов в сутки, вчера еще напирали на фабрикантов и заводчиков, чтобы они сбавили хоть один час этой каторжной работы? Не вы ли еще вчера называли капиталистов, фабрикантов и заводчиков. подлецами, кровопийцами, а сегодня, что с вами сталось?!..

Вы перешли на сторону капиталистов и правительства и теперь, как палачи, заставляете прикладами, а иногда пулями, своих братьев-рабочих подчиняться требованиям богача-капиталиста, тогда как требования эти ведут рабочего и его семейство к медленной голодной смерти. Да вы же сами через 5 лет придете к фабриканту или заводчику с поклонами, чтобы он дал вам кусок хлеба, а этот фабрикант заставит вас подчиняться тем же бесчеловечным правилам, которые вы сами отстаивали прикладами и пулями, и вот будете получать за эту трудную работу кусок черного хлеба, жить в грязной лачуге, умирать голодной смертью. Это все плоды того семени, которое при поддержке штыков рассевается на наших родных нивах. Веря в правительство, вы сдела лись палачами народа. Оглянитесь! —

товорят вам друзья народа, социалисты. Оглянитесь! В кого вы верите? Кому служите? Не той ли маленькой кучке людей, которая называется правительством? Да! Вы служите правительству, которое утопает в разврате и пиршестве в то время, когда на широкой Руси целые тысячи мрут от голода. Оглянитесь! Не на вас ли эта ничтожная кучка развратников

ПЕРВАЯ СТАТЬЯ «РАБОЧЕГО», ИЗДАННАЯ ОТДЕЛЬНОЙ ГЕКТОГРАФИРОВАННОЙ БРОППЮРОЙ В 1884 Г.
С оригинала, хранящегося в Ленинградском отделении Центрархива

опирается? Не за вас ли она во время народных восстаний прячется, выставляя вас против народа как самых верных своих защитников? Да, действительно, вы поддержка правительству. Без вас оно бессильно, ничтожно, без вас оно бы рухнуло само собою со всеми своими подлыми замыслами. Вглядитесь, что вы делаете, веря в правительство и безропотно повинуясь ему. Вспомните екатеринославский погром и полюбуйтесь несчастными

«РАБОЧИЙ»

жервами ваших преступлений! Посмотрите, как умирает старик с разбитою вашими прикладами грудью; посмотрите, как при последнем испускании духа он поднял дрожащую руку и указывает на небо, напоминая вам о страшном суде бога. Вот юноша, раненый вашей пулей; слушайте, как последним умирающим голосом он завещает народу отомстить за его смерть. Вот ребенок убитой вами матери: он ползает вокруг ее безжизненного тела, он ищет живую мать, но она умерла в борьбе за кусок хлеба; умерла, посылая вам, солдаты, проклятье. Да! Время ужасное; оно занесется на листки истории. Его назовут временем братоубийства.

Идите же рука об руку с правительством, дармоедами и кровопийцами народа! Идите, если не чувствуете жалости к своим братьям-крестьянам,

к рабочим, к самим себе, наконец.

82

Идите этой широкой кровавой дорогой, бейте, режьте народ для выгод правительства и дармоедов; приготовляйте обеды из мужицкого тела и крови; бейте, пока народ не сплотился, пока он просит у вас пощады.

Но знайте, что скоро целая пропасть пересечет вам эту кровавую дорогу; народ восстанет; он выдвинет против вас и всех дармоедов свои грозные силы...

Тогда... тогда правительство и вы, его слуги, рухнете в эту пропасть, как ничтожная и бесполезная тварь.

Рабочий

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ КОРОНАЦИИ

Слишком 2 года Россия была занята ожиданием коронации, и в эти 2 года у многих, очень многих родилось много светлых надежд и ожиданий. Крестьяне думали, что царь наделит их землей, что подати и налоги будут отменены, или по крайней мере сбавлены; фабричные и заводские рабочие ожидали много перемен: повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и пр., и все они, и крестьяне, и рабочие, как и следовало ожидать, получили шиш; одно только дворянство да кулаки и капиталисты не ошиблись в расчете: им царь дружески протянул руку и торжественно дал свое царское обещание поддерживать их интересы, как прежде, т. е. способствовать им обирать и грабить народ. Крестьянство, обезземеленное и вконец разграбленное кулаками, целыми селами шатается по родной стране за поисками земли и работы; фабричные и заводские рабочие тысячами бродят по улицам, выпрашивая лишь кусок хлеба за предлагаемый ими труд. Почему же народ с такой глубокой верой ожидал царских милостей? Почему народ, столько раз обманываемый всякими указами да реформами, до сих пор не поймет, что под покровительством царя толькокапиталистам, кулакам и всякого рода тунеядцам живется хорошо и привольно, что им одним сходят легко с рук их беззакония, насилия и грабеж, что под величественной шкурой царя скрывается тот же капиталист. тот же кулак-тунеядец?

Потому что вера в царя как друга народа целыми веками вбивалась в голову народа. Она затупила светлый человеческий разум и наполнила головы мужиков непроглядной тьмой и тупоумием. Но теперь широко распахнулась завеса, закрывавшая ум и глаза русскому народу, и с вы с о ты тро на, откуда народ ждал облегчения своей горемычной жизни, раздался грубый, насмешливый голос, голос самого царя, который наконец-таки разбил и уничтожил веру в него как в защитника и благодетеля трудящегося люда. В самый день коронации царь предстал пред русским народом, пред миллионами обиженных и угнетенных и предстал не под маской освободителя, а в своей настоящей шкуре, т. е. наглым тираном и обманщикоме

Он приказал народу и не думать о земле, он назвал своими врагами тех, кто будет распространять слухи о нарезке и переделе земли.

Не думать о земле! Да ведь сам голод заставляет крестьянина думать о ней! Неужели царь не энает, что крестьяне наделены такими ничтожными клочками земли, доход с которых гораздо ниже податей и налогов? Таким образом царь открыто заявляет, что мужик — его враг, потому что он думает об увеличении надела. Да и дурак же он, братцы, мало того, что подлец! О фабричных и заводских рабочих он ни слова не проронил. Он, должно быть, забыл, что у нас их на Руси около миллиона, должно быть забыл, что все они, как один, обливаясь потом и кровью, стонут под ярмом кулака, фабриканта и заводчика. Или в этот разгульный час ему некогда было думать о них?

Итак, царь — враг народа, ему чужды его нужда и торе. Он запрещает народу думать о своей обездоленной жизни. Чей он друг после всего этого? Чьи интересы для него дороги и заветны?

Конечно, дворянства, духовенства, купцов и вообще всех богатых тунеядцев. Царь при всем народе пьет из бокала вино за счастье и благоденствие своих верных союзников, кровопийцев и угнетателей обездоленного рабочего люда.

Народ! Ты ошибся в царе и теперь, наконец, сознал свою ошибку. Одни мы, социалисты, не ошиблись, мы видели всегда в царях тиранов и мучителей народа.

Нас научила история целым рядом своих событий; история, например, говорит нам, что закрепощение народа произошло вследствие тупоумия его и веры в царские милости; когда же народу стало жить слишком невыносимо и он стал волноваться и искать выхода, тогда Александр II и дал волю, сказав дворянам и боярам, что «лучше реформы сверху, чем реформы снизу», т. е., чем дожидаться, пока мужик возьмется за дубинку и силой добудет себе волю, лучше дадим ему ее прежде—и вам, мол, мои други сердечные, господа дворяне, не в убыток и для меня покойней. Но на долю Александра III вышала пора совсем иная; народ начинает прозревать, и царю-батюшке уж не доведется нагло обманывать его.

Социально-революционная партия, защищая с геройским самоотвержением святое дело народа, зовет тебя, несчастный измученный народ, на великую борьбу против виновников твоего векового мучения и страдания, против царя, бар и кулаков. Социалисты-революционеры поведут тебя к свободе и свету, и дворянство, чиновники, купцы и попы не сумеют поддержать окровавленного царского престола. Вся эта кучка варваров, которая так дружно соединилась с Александром III, разотрется ногами, обутыми в мужицкие лапти, и на месте развалин существующего бесчеловечного строя создастся новый строй, новая жизнь, в которой не будет места кривде и несправедливости.

Рабочий

* *

Бездомного, безродного не мало Попадается народу на Руси...

Да, действительно, много мы видим голодных и холодных людей, не имеющих куска хлеба, лишенных возможности приискать себе работу. Случаи голодной смерти стали все чаще и чаще появляться у нас на Руси. Все это последствия нашего общественного строя, при котором каждый тунеядец, имеющий деньги и находясь под особым покровительством закона, предается всевозможным наслаждениям, а труженик, постоянно ра-

ботающий, выбивается из сил, чтобы добыть лишь кусок хлеба, для себя и своей голодающей семьи. Наживать капитал возможно только при эксплоатации труда, или, говоря проще, посредством грабежа рабочих. У нас на Руси, да и в других странах этот грабеж совершается на законных основаниях. Капиталист нанимает рабочих, назначает им такую плату, при которой они еле-еле могут прожить с своим семейством, а затем весь излишек, т. е. барыш, идет в карманы капиталиста.

Всем людям нельзя быть капиталистами, потому что некого будет нанимать для работы. К капиталистам стекается все народное богатство, у них в руках фабрики, заводы и разные машины, т. е. все то, что создано трудом рабочего; в руках капиталиста — земля и все продукты, добытые с земли опять-таки трудом рабочего. У рабочих же нет ничего, кроме труда, который они и вынуждены продавать капиталистам. Труд рабочего это сила, которая при благоприятных для рабочего условиях дала бы возможность удовлетворять все потребности разумной человеческой Теперь же это делается не так: продукт труда рабочего разделяется капиталистом приблизительно на десять частей, из которых одну часть, в виде поденной платы, получает рабочий, а девять частей идут в карман капилиста, хотя в самом процессе труда капиталист не принимает никакого участия. На первый взгляд покажется странным, почему рабочие закабаливают себя таким бесчеловечным, невыгодном для себя образом, без всякого принуждения со стороны правительства или того же капиталиста. Это оттого, что у рабочего только труд, а у капиталиста все те орудия, без которых труд немыслим.

Со введением разных машин мелкие мастерские стали исчезать; хозяева их превратились в рабочих; капиталистов становилось все меньше и меньше; богатства скопились в руках ничтожного меньшинства. Вместо мелких мастерских, в которых работало 10 или 20 человек, появились целые заводы, заменившие собой, по силе своей производительности, сотни и даже тысячи мелких мастерских. Произошло это следующим образом: два, например, мелких капиталиста имели по одной мастерской, на которых притотовлялись твозди; один из них, который был побогаче, приобрел себе машину, а дело известное, что машиной гораздо скорее и дешевле приготовляется продукт; значит тот, который не в состоянии был приобрести машину, должен поневоле закрыть свою мастерскую, так как теперь уже ему нет никакой выгоды производить работу. Таким образом, от мелкого капиталиста все мало-помалу переходит в руки крупого, т. е. того, у которого производство совершается при посредстве машин.

Теперь посмотрим, как отразилось на жизни рабочего введение паровых машин и скопление капитала в руках единичных личностей. Возьмем к примеру капиталиста-землевладельца; для обработки полей, т. е. молотьбы, покоса, жатвы и пр., землевладелец до введения земледельческих машин нанимал такое количество рабочих, какое необходимо было для производства всех полевых работ при посредстве обыкновенных серпа, косы, сохи и пр. Вдруг приобретаются землевладельцем косилка, молотилка, жатвенная машина и прочие орудия. Каждая из этих машин может заменить собою сотни рабочих рук; для управления же ими понадобилось лишь несколько человек; следовательно все рабочие, т. е. молотилыщики, косари, жнецы, лишились работы.

Другой капиталист имеет механический завод, на котором пока нет паровой машины; для каждого токарного станка нужен человек, который бы вертел колесом. Но вот вводится машина, которая приводит в движение сто токарных станков; значит и тут сотня рабочих выбрасывается на улицу. Можно было бы привести целые тысячи примеров, как страшно и гибельно отразилось введение машины на положении работника, но мне кажет-

ся, что эти два приведенные примера вполне достаточны для того, чтобы показать рабочему, что машины приносят ему не пользу, а вред.

Но не подумайте, читатель, что самое назначение машин, т. е. цель технических изобретений, имеет в виду понижение экономического положения народа. Напротив, машины полезны, их назначение облегчить и сократить труд рабочего; в руках же капиталиста они приносят обратные результаты. Если бы все орудия производства, т. е. земледельческие и заводские машины, были бы в руках самих рабочих, тогда эти машины, теперь служащие причиной безработицы тысяч и десятков тысяч рабочих, принесли бы несомненную пользу рабочим, значительно сократив их труд.

Итак, машины теперь приносят пользу одним лишь капиталистам и несомненный вред классу рабочих. Выброшенные на улицу рабочие мруг от голода и холода.

Если открываются новые заводы и эти голодные труженики находят себе в них работу, то положение их немногим изменяется к лучшему: голодающий рабочий идет в кабалу к фабриканту за самое ничтожное вознаграждение и, кроме того, что он сам не допьет и не доест, еще понижает плату за труд других рабочих. Если, например, ткачи бумагопрядильного завода фабриканта А получают поденно по 70 к., то этот же фабрикант непременно понизит плату, если к нему явится с предложением рабочих рук по 50 к. в день толпа голодных, ищущих работу ткачей. Вся разница между рабочими, умирающими голодной смертью на мостовой, и хронически голодающими на заводе или фабрике заключается лишь в том, что последний вынесет несравненно больше первого страданий.

Кто же является причиной этого безысходного страдания обездоленных тружеников?

Во всем этом виновно правительство, настоящий государственный строй. Он установил свободу такому беззаконию, при котором небольшая кучка людей наслаждается всеми благами жизни, а целые миллионы тружеников должны гибнуть в нищете, не находя ни правды, ни справедливости.

Да! Этот строй ужасный; он уничтожает все дорогое и честное для человека и открывает широкую дорогу разврату и тупоумию; он создает ниших, заставляет голодающего человека сделаться вором, а потом этот же строй, по своим законам, посылает его на каторгу или в далекую Сибирь на поселение.

Безотрадна наша жизнь, кажется и жить-то не стоило бы рабочему человеку, если б уделом в его жизни была вечно беспросветная ночь, вечные холод и голод. Но нет, друзья! Нам стоит жить, потому что в жизнь нашу начинает прокрадываться луч света, надежда выбиться из-под гнета наших лютых врагов, врагов свободы, правды и справедливости. Этот свет, который озарил нашу жизнь, дал нам надежду на лучшее будущее, вносится горячими борцами за народное дело, которые называются социалистами.

Их правительство преследует самым бесчеловечным образом, сажает в тюрьмы, казематы, подвергает мучительным пыткам, вешает, но они твердо и непоколебимо идут к своей заветной цели: разрушению настоящего строя и водворению свободы, равенства и братства.

Рабочий

* *

Новый царь наш обещает Крошки нам земли не дать. Знать, добром мы с ним не уладим, Гей, землицу добывать!.. А чтоб с горем распрощаться И землицу нам добыть, Надо всем нам собираться И ножи острей точить.

Ими будем мы тиранов Земли русской истреблять, Землю, фабрики, заводы Ими будем добывать.

Показать тиранам надо, Что не в силах стало жить: Голод днем, а ночью холод, Жизнь свою всю волком выть.

А потом для жизни новой Закон лучший изберем, Людей честных из народа Править делом призовем.

КАК ЖИВУТ РАБОЧИЕ

Всматриваясь в условия нашей жизни, мы, куда бы ни заглянули, куда бы ни забрались, не только в России, но и в других странах, не увидим сколько-нибудь сносного положения рабочих классов. Наша квартира, ничтожное вознаграждение за тяжелый труд, штраф, налагаемый на нас хозяевами, наше, наконец, общественное положение, как гражданина и как рабочего — все это напоминает нам, что мы, рабочие, до сих пор пребываем в состоянии рабства и зависимости от разных спекуляторов, имеющих соедства для закабаливания рабочего люда. Каждый из этих сосущих нашу кровь негодяев, наживши всеми неправдами свой капитал, может вполне завладеть нашим трудом, нашей свободой и даже нашей жизнью. Гонимые голодом, лишенные всего, кроме наших рук и сил, мы вынуждены продавать свою рабочую силу капиталистам и закабаливать себя за такую ничтожную плату, которая едва удовлетворяет самые насущные потребности. Каждый капиталист, имея ргромное состояние и утопая в роскоши, заставляет нас, производителей, и нашу семью переносить всевозможные лишения, а сам пользуется всеми выгодами, доставляемыми ему нашим трудом. Он же, капиталист, когда ему заблагорассудится, может лишить нас и этих скудных заработков; он не признает никакого нашего права. Обладая состоянием, он подкупает судей и разных чиновников и таким образом лишает нас возможности защищать свои интересы. Кто же защитит нас, рабочих, кто заступится за наши поава, у кого искать правосудия? Не у правительства ли, не у царя ли батюшки? Но ведь царь-батюшка и правительство — те же капиталисты, те же кровопийцы. У них есть фабрики и заводы, которые дают им огромные средства и на которых рабочим живется ничуть не лучше, чем у частных заводчиков и фабрикантов. Правительство, боясь восстаний и бунтов за свои беззакония, окружило нас чиновниками, полицейскими, жандармами и шпионами; оно убивает в нас все светлое, разумное, человеческое, старается сделать из нас бессмысленных животных. И у них-то мы будем искать защиты, правды и справедливости! Эта горсть людей или скорее зверей с диким хохотом смотрит на страдания миллионов наших братьев-рабочих.

Naka spertyme padorie.

Benampularet to combin rames youghn, un Kylu obe ne zamarnens, kylu obs ne zatpaniel HI mouth to thecin, no is be ipunar empumust in abstraction charter muly of envenue winifectur purionies horacrott. Flama map instou, nurmadense bronaspadedenie ga ma je still mogor, sumpulpe, numeroscatas nu nuce Togethaten, name, nakonige, volucionesmos nevergenit, num spriferuna u Bate pa cornic, - bee ome numeron nums tutte, tominh, palere, To en ne up no stroller de trement пи райстви измененимини от разпил вымунатрова, помогомуной средотьи дис ja Ko barreturnis purotuso andu. Kungesten иза стиго сосущий наму прове нистов, na fenban berin nengalama ebai Kano must, morfams busines gubiade me na where mygrams, names cholicen it vage numer Toughte . Serveriber warround, commen пви весто, прости пашили рупа и сила, та bungificarios no reasont con pareren enty

НАЧАЛО СТАТЬИ «КАК ЖИВУТ РАБОЧИЕ» В РОСТОВСКОМ ЖУРНАЛЕ «РАБОЧИЙ» С оригинала, хранящегося в Ленинградском отделении Центроархива Много возмутительных несправедливостей творится на фабриках и заводах наших. Я, лично на своей шкуре вынесший весь гнет капиталистического ярма, приведу несколько примеров в доказательство того, что все работники подвержены одному закону бесчеловечности; что у нас на Руси работники одинаково страдают как на юге, так и на севере и что отрадного явления в жизни наших несчастных братьев-рабочих невозможно встретить. Куда ни погляди, куда ни заберись — везде слышатся стоны работника, обреченного на вечное страдание.

У нас на Руси количество рабочих часов на фабриках и заводах никаким законом не ограничено. Капиталистам наш закон предоставляет полное право распоряжаться трудом рабочего по его усмотрению, а капиталист в виду наживы и вообще своих личных интересов выжимает из рабочего последние соки, т. е. старается до невозможности расширить рабочий день и путем штрафов и поштучной работы вызвать еще напряженность труда.

На механических заводах Клинского уезда рабочий день равняется 11 часам, исключая времени обеда и завтрака, а на фабриках ковровых, бумагопрядильных и самоткацких работа продолжается 12 часов, тоже исключая обеденного времени; на спичечных, химических, кожевенных, отбельных, красильных, меднолитейных, бархатных, войлочных и сапожных того же Клинского уезда рабочий день простирается до 15 часов. На рогожном и красильно-набивном заведениях Московского и Рузского уездов работа продолжается бессменно 18 часов. На золотых приисках в Сибири рабочие работают на открытом воздухе, и им постоянно приходится стоять по колено в воде; они ложатся в 12 часов ночи, а в 3 часа утра уже встают на работу. Малейший ропот или неповиновение со стороны этих рабочих-страдальцев заглушается казацкой плетью или другой бесчеловечной расправой. Еще ужаснее положение рогожников т. Рославля Смоленской губ. Они встают в час ночи и работают до 11 часов вечера, исключая времени завтрака и обеда, на которые дается 2 часа.

Таким образом рабочий день продолжается 22 часа в сутки. Эти страдальцы-рабочие для ночного отдыха располагают всего двумя часами!•

Теперь мы взглянем, как отражается на здоровье рабочего не только самая продолжительность рабочего дня, но и гигиенические условия, в ко-

торые поставлен рабочий.

В марте 1870 года на 14 спичечных фабриках Новгородского уезда 24% рабочих подвергались различным заболеваниям вследствие пропитанной серой и фосфором атмосферы: худосочию, воспалению десен и глаз, болезни дыхательных путей, одышке, кровохарканию и гниению челюстей. Все эти болезни вконец расстраивают организм рабочего, и, делаж его неспособным к труду, тем самым обрекают его на голодную смерть.

Несмотря однако на тяжелый, изнурительный, ведущий в могилу труд рабочего, он не всегда находит себе приложение, не всегда рабочий попадает на фабрику или завод, и вот, предоставленная самой себе, без крова и приюта, масса рабочих не находит работы, христарадничает или пускается на преступления: ворует, грабит, убивает. В больших городах правительство устроило ночлежные приюты, куда и отправляются не имеющие пристанища рабочие. Каковы эти приюты, видно из следующего описания. Вот что говорит один из русских писателей о ночлежных приютах в Киеве: «...двор — это слой искони не вывозимого навоза и зловонной грязи. Возле входной двери приюта грязь и клоачная жидкость, так что пробираться в приют приходится осторожно по проложенной доске. По крутой лестнице, ступени которой покрыты слоем не сходящей с них грязи, приходится спускаться в глубокий погреб на 4 аршина ниже поверхности земли. Погреб довольно общирный, но низкий (вышина 3 аршина). На улицу 2 узких окна; верхние края рам на одном уровне с тротуаром улицы. У внутренней

стены русская печь; внутри погреба печь железная. Стены сырые, мокрый и топкий земляной пол покрыт грязью. Вокруг стен сплошные нары; воздух тяжелый, спертый, чувствуется гниль и сырость, резкий запах человеческого пота, разопревшего прязного тела, сапог, махорки и всякой нечистоты; одним словом, дух захватывает у непривычного человека и позывает на овоту. Когда я пришел туда, погреб тускло освещался каким-то огарком подле худой человеческой фигуры, перебиравшей лохмотья. На нарах без всякой подстилки и под ними на голом мокром полу, подложив под голову верхнюю одежонку, спят бесприютные работники; местами видны фигуры сидящих и беседующих ночлежников, разбросанные котомки, голенища сапогов, лапти и т. д.; всех ночлежников было 30 человек. Бездомность, крайняя нищета и тяжелый труд так и бьют в глаза в этом приюте. Одежда на всех ветхая, лица бледные, исхудалые; на расспросы мои отозвавшиеся голоса ночлежников были хриплые, глухие, так и слышится в них болезнь горла или хроническое страдание легких; и эти несчастные заявляют, что они здоровы и что здесь им хорошо. Я сказал, что такой ночлежный дом немыслим и его надо закрыть. Точно электрическая искра, пробежали последние слова по ночлежникам; даже иные, лежавшие до тех пор неподвижно, как спящие, повскакивали; раздались хриплые, полугневные, полуизумленные возгласы: «Закрыть! А куда мыг денемся? На улицу нас, что ли выбросить?!» Предложил я им перейти в другие приюты. «Все переполнены, — был грустный ответ.— ${f A}$ то разве все мы были бы здесь! В других хоть тесно, да не так сыро...»

В Петербургском уезде на кирпичных заводах имеются рабочие избы, состоящие из кузни и чердака. Чердак в большинстве случаев и служит помещением для рабочих. По обеим сторонам идут нары, покрытые грязными рогожами с кое-какой одеженкою в головах; впрочем, кое-где встречаются из обрубков дерева подобия кроватей. Сверх того некоторые рабочие устроили для себя здесь же, на чердаке, нечто вроде чуланчиков или, вернее сказать, ящиков. Пространство, необходимое для 2 или 3 человек, чтобы лежать свободно с протянутыми ногами, они обивают и приделывают сверху. Ночью спят в этих ящиках, а на день запирают его вместес рухлядью от лихого человека, потому что есть люди, которые и этого не имеют. Некоторые заводчики устроили для помещения рабочих бараки из теса; полы в рабочих помещениях до того содержатся нечисто, что покрыты слоем грязи в несколько дюймов; чердаки совершенно темные, но иногда попадаются и с прорубленными отверстиями, и, наконец, встречаются такие чердаки, где вставлены 2-3 окна. Живя в такой грязи, рабочие распложают такое громадное количество блох, клопов и вшей, что, несмотря на большую усталость, иногда после 15—17-часовой работы не могут долго заснуть. Один из московских рабочих, пекарь, говорит о положении рабочих булочных и пекарен: «После дневного труда бедному рабочему негде отдохнуть, потому что отдельных мест для отдыха, спанья нет, и они принуждены спать, где попало, в том же помещении, где пекут хлебы. Помещение булочной на всю ночь запирается со двора, и рабочие, в случае надобности, не могут выходить на двор, а для надобностей их тут же, рядом с корытами, в которых приготовляется тесто для хлебов, поставлена кадочка. Вокруг этой кадочки страшная мокрота и зловоние». Если эти безобразия творятся в столицах, что же должно твориться в местах, более отдаленных от центра? О, там творятся такие вещи, там рабочие подвергаются таким ужасным страданиям, которые выше всякого описания! Для примера я укажу на эрелище рабочих на рыбных промыслах в Сибири, на низовьях реки Оби. На песке 1 деревенском, принадлежащем рыбопро-

 $^{^1}$ Песком называются в Сибири, по реке Оби, рыбные и жиротопные заводы. (Примечание «Рабочего»).

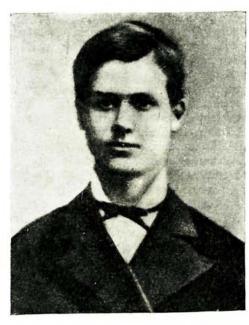
мышленнику Щупалеву, 60 человек рабочих помещаются в 2 избах, до того малых, что воздух, вследствие скученности людей, мокрого платья и гниющих остатков от вытопки жира, заражен до крайности. На песке мещанина Глазкова не только не заботятся о чистоте помещения и воздуха для рабочих, но даже необходимое для рабочих топливо признают совершенно излишним. Они помещены в щеловатой, досчатой избе, не имеющей ни печи, ни окон, ни пола и насквозь пронизываемый дождем и ветром. В этой жалжой лачуге г. Матвеев, у которого я беру эти сведения, нашел спавшими на нарах 20 человек рабочих, иззябших и продрогших, с женами и детьми; дым от разведенного в лачуге костра резал глаза, а котел, в котором рабочие готовили себе пищу, служил вместе с тем и для вытопки жира. На ческе Замятина помещения рабочих оказались еще хуже: они спали на голой земле в небольшой избушке, в которой солится рыба и варится для рабочих пища; а то еще попадается род звериных логовищ, в которых живут рабочие. Это вырытая в земле яма, покрытая сверху тальником; в этих ямах рабочие приготовляют для себя пищу, обедают и спят. Такую жизнь можно сравнить только с жизнью зверей, но звери, живя в логовищах, испытывают полное удовольствие, равное удовольствию, которое испытывает барин, живя в роскошных палатах. Значит. мы не ошибемся, если сравним жизнь рабочего с жизнью зверей, которая представляется рабочему недосягаемою.

О Грушевских угольных копях говорит один наблюдатель следующее: «Общий тип жилища рабочих — землянка, выкопанная в земле и покрытая дырявой крышей, у стены нечто вроде жертвенника; кожаный налой, а на нем тлеет неугасимым огнем антрацит; кругом, вдоль стен, нары — ничем не прикрытые голые доски; по стенам льется весенняя, просачивающаяся вода; воздух в землянке как-то колебался волной и пахнет зажженной коробкой вонючих серных спичек. Газ. отделяемый антрацитом при горении. не довольствуется дырой и расходится по всей казарме. Говорят, что эта вонь убивает даже всякое насекомое, что, при всей нечистоте, в вемлянках нет ни блох, ни вшей. Входя в казарму, чувствуещь, как сырой воздух режет горло и колет легкие; через 5 минут мутится в глазах, а если останетесь еще минуту, вы упадете с непривычки без чувств. Механик объяснил наблюдателю, что удивительный способ отопления землянок посредством жертвенника предпочитается обыкновенно потому, что он дает 8% экономии угля. Известно, какие гибельные последствия происходят от угара, каким страшным опасностям подвергает свое здоровье углекоп, находясь все время отдыха в землянке, переполненной окисью углерода! В этих отвратительных землянках, по словам г. Матвеева, вместе с здоровыми рабочими находятся рабочие с эпидемическими и заразительными болезнями. Когда г. Матвеев хотел отправить валявшихся в этих грязных землянках больных в больницу, они стали его умолять не делать этого: «Отпусти, ради бога, меня домой! — говорил рабочий, тело которого было покрыто какими-то опухолями.— Подати за прошлое время за 3 души заплатить надо, а у меня и гроша нет; жалованье мое взято волостным в уплату процлых податей, а тут за больницу станут вычитать — тогда и совсем пропал».

Печальная действительность! Он пропал, когда его положат в больницу! С больными рабочими золотопромышленники поступают еще хуже, чем самые жестокосердные люди со своими собаками. Боясь, чтобы заболевший рабочий не умер на прииске, ему отдают паспорт и выводят его подальше от приисков в тайгу, предоставляя ему заблудиться и умереть голодной смертью. Бывают ужасные вещи, говорит этот же наблюдатель: «От очевидцев я слышал, например, что одного рабочего с гангреной (антонов стонь) на ноге, истомленного болезнью и голодом, нашли еще живого на муравейнике, объеденного муравьями: он дико выл и неистово стонал не-

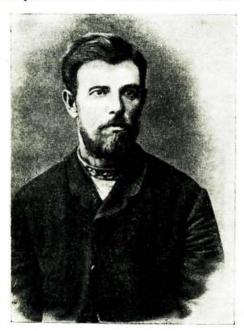
ред смертью. Другого, чахоточного отбили у волка, который обкусывал и глодал ему руку в то время, когда он был еще жив, но не мог уже подняться с места, окончательно потеряв силы от усталости, истомления и голода.

Фабриканты и заводчики кроме квартир или скорее логовиш, устраивают еще лавочки, в которых рабочие могут забирать все как то: муку, мясо, обувь, ситцы, белье, платье, водку и т. д.; рабочий, не имея средств покупать такие продукты в других лавках, должен поневоле обращаться в лавку хозяина и забирать там часто гнилые и никуда не годные товары и притом втридорога. Во время получки у рабочего высчитывается сумма за взятый в лавке хозяина товар, так что у него ничего не остается и он поневоле должен обращаться опять в ту же самую лавку. Какого качества товары в подобных лавчонках можно видеть из следующего

АНДРЕЙ КАРПЕНКО, РАБОЧИЙ РОСТОВСКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ МАСТЕРСКИХ Один из вероятных авторов в ростовском журнале «Рабочий»

примера. В Богородском уезде фабрикант Елагин распорядился раздать фабричным рабочим и служащим своей фабрики около 400 пудов совершенно испортившейся и положительно никуда негодной солонины. Хотя некоторые

РАБОЧИЙ ВИТАЛИЙ КУДРЯПОВ

Один из вероятных авторов в ростовском журнале «Рабочий»

рабочие и заявили, что они не возьмут этой солонины, но такие смельчаки, не пожелавшие согласиться с произволом хозяина и позволившие себе свое суждение иметь, были тотчас рассчитаны и уволены с фабрики, остальные же 500 человек вынуждены были подтребованию хозяина и чиниться взять тухлую и червивую солонину по 11 коп. за фунт. Многие из них ее тотчас же бросили, а некоторые, менее разборчивые, желая нести убытка, спровадили в желудки, отчего через несколько дней более 10 человек заболело тифом.

Этих немногих фактов вполне достаточно, чтобы нарисовать страшную, глубоко потрясающую душу картину жизни рабочего люда на заводе и вне завода.

Говорят, что мы, рабочие созданы природой на то, чтобы есть черствый хлеб, гнилую солонину, валяться в грязной и удушливой лачуге, что мы принадлежим к отдельной человеческой расе, которой чуждо все то, что называется нравственным и умственным, что сколько-нибудь похоже на черты, присущие каждому человеческому существу; слово «рабочий» сделалось чем-то позорным! По мнению бар все, что требует душа рабочего, его нравственное чувство, может найти себе удовлетворение в любом кабаке, в притонах нищеты и разврата. Мы на самом деле свыклись с жизнью, в которой царят нищета, пьянство, разврат, мы видим, как наши жены, дети в поисках за куском насущного хлеба или умирают голодной смертью, или вступают на широкую дорогу разврата и гибнут в водовороте злополучной жизни.

Но на самом ли деле рабочие лишены способности жить чисто человеческой жизнью, на самом деле все требования, предлагаемые ему его духовным миром, могут найти себе полное удовлетворение только в кабаке, в притонах нишеты и разврата?

Действительно, до тех пор пока будет существовать современный общественный строй, т. е. пока все дармоеды-тунеядцы с правительством воглаве будут держать рабочего в положении скота, пока будут царствовать грабеж, насилие и всякие неправды по отношению к рабочему люду, пока, наконец, сам рабочий не возьмется за ум, пока он сам, толкаемый неприглядными условнями своей жизни, обрекающими его на голодное, полуживотное прозябание, ведущее его к физическому вырождению, не дойдет до сознания необходимости показать этим кровопийцам свои мускульные кулаки, вооруженные дубинками, — до тех пор в жизнь рабочего не проникнет луч света, который дал бы возможность рабочему выбраться на путь, ведущий к счастью и свободе.

До тех пор пока мы будем рабски покорно склоняться под гнетом капиталистического и политического ярма, до тех пор мы будем классом угнетенных и обездоленных.

Довольно обращать взоры на батюшку-царя и с высоты трона ожидать облегчения своей тяжелой участи! Довольно верить реформам и всевозможным начинаниям правительства с целью улучшения жизни всего трудящегося люда! Все это фокусы и мыльные пузыри, которыми в продолжение многих веков обманывали и обманывают народ.

Исторический опыт доказал нам, что ни один «преобразователь», ни один «освободитель» ничего нам не сделал такого, что хоть сколько-нибудь вывело бы нас из полуживотного существования. Следовательно, мы можем рассчитывать только на свои собственные силы. Эти силы сделаются грозными и несокрушимыми, если рабочие во имя идеи свободы, равенства и братства, дружно сплотившись, выступят против тиранов и угнетателей на защиту своих человеческих прав.

Движение работих с целью разрушения существующего экономического и политического строя как единственного выхода из настоящего положения приняло уже широкие размеры не только за границей, но и у нас на Руси. Толчок для такого движения дала Социально-революционная партия, этот единственный друг народа, которая в неутомимой борьбе с врагами стремится к осуществлению и воплощению в действительной жизни великого девиза: свобода, равенство и братство.

Многие рабочие были членами Социально-революционной партии, многие замучены в царских казематах, многие погибли в рудниках и на эшафотах, защищая святое дело народного освобождения.

Братья! Развязка не за горами, час возмездия с врагами и тиранами уже наступает! Если же нам дороги интересы нашей родины, если тени замученных страдальцев могут вызвать в душе каждого из нас чувство злобы и мести, если мы, наконец, не настолько малодушны, чтобы нас могли напугать тюрьмы и казематы, тогда, тесно сплотившись и соединив-

шись с Социально-революционной партией, мы общими силами нанесем решительный и гибельный удар врагам народной свободы.

Из нашей широкой груди вырвется крик, который громким эхом раздастся по всей святой Руси:

> Вставай, поднимайся, рабочий народ, Вставай, брат голодный, Раздайся клик мести народной Вперед!!!

> > Рабочий

ЖУРНАЛ РОСТОВСКИХ РАБОЧИХ

Занятия народников-революционеров с рабочими продолжаются, как известно, в течение всех 70-х годов. Но нам не известно в то же время за первую половину 70-х годов ни одно, если не ошибаемся, самостоятельное литературное выступление рабочих. Литература для рабочих, не говоря уже о пропагандистской литературе первой половины 70-х годов, а принимая во внимание даже такие органы, как народовольческая «Рабочая Газета», или чернопередельческое «Зерно», писалась не рабочими, а интеллигентами, часто для популярности стремившимися подделать свои писания под народную

Однако даже те отрывочные данные, которыми мы обладаем, позволяют утверждать как наличие некоторой самостоятельной рабочей литературы, так и участие рабочих в составляемой интеллигенцией прессе, в которой они выступали в роли, как мы теперь бы сказали, своего рода рабкоров. Уже в известных воспоминаниях Плеханова о «Русском рабочем в революционном движении» находим материал и для первого, и для второго заключений. Так, Плеханов указывает (повидимому, это указание надо отнести к 1878 г.), что «на Василеостровском патронном заводе в течение некоторого времени рабочими велся рукописный журнал, род резкой сатирической летописи заводской жизни». Для характеристики содержания этого журнала любопытно, что «бич рабочей сатиры», как выражается Плеханов, хватал в нем не только свое заводское начальство, но «и выше»; так, например, «журнал доводит до сведения своих читателей, что в правительственных сферах обсуждается проект закона, в силу которого будут получать особые награды предприниматели, в течение года изувечившие на своих фабриках и заводах наибольшее число рабочих» («награды будут соразмерны количеству оторванных пальцев, рук и носов», говорилось в этом сообщении). Такова же история и одного известного листка «Голос рабочего народа, живущего и работающего у подлеца Макселя», написанного рабочими и изданного землевольцами. Ряд других аналогичных примеров можно найти у того же Плеханова 1.

Пропаганда народников среди рабочих преследовала свои цели. Народник-семидесятник, действуя среди рабочих, имел в виду дорогое его взгляду и сердцу крестьянство, а рабочих рассматривал только в качестве наилучших агитаторов среди этого кресть-

В литературе уже выяснено, что с первых же моментов деятельности чайковцев среди рабочих в среде последних образовалась оппозиция народнической постановке задач революционной деятельности: она возникла в среде именно заводских рабочих, для которых положение пролетариата, иной раз квалифицированного, было постоянным и рвало всякие нити, когда-либо в прошлом еще связывавшие эту категорию рабочих с деревней. Эта оппозиция ставила вопрос о создании самостоятельной рабочей организации и принимала конкретные меры к реализации своих стремлений. Но реализация этих еще не нашедших классово осознанного характера стремлений была весною 1874 г. оборвана московскими арестами, впрочем лишь временно задержавшими создание рабочей организации. Следующий же шаг народнической деятельности, начало землевольчества, столкнулся в 1876 г. с образованием самостоятельной рабочей организации. преемственно, даже по личному составу, связанной с прежней оппозицией; это было так называемое «Общество друзей» 2

1 Г. Плеханов, Русский рабочий в революционном движении, Соч., т. III, М., 1923, стр. 137, 180—181.

В. Невский, Предшественники нашей партии, М., 1930, стр. 7 и сл., 15 и сл.; Ш. Левин, Пропаганда чайковцев среди рабочих, «Каторга и Ссылка» 1929, № 12; Э. Корольчук. Из истории пропаганды среди рабочих Петербурга во второй половине 70-х гг., «Историко-революционный сборник», т. III. Л., 1926, стр. 52 и сл., 60 и сл.

94 «РАБОЧИй»

И, наконец, в такой же непосредственной связи с «Обществсм друзей», в какой последние были с рабочей оппозицией чайковцам, оформляется первая боевая пролетарская организация — петербургский «Северный союз русских рабочих», издавший «Рабочую Зарю».

В настоящее время хорошо известен этот первый самостоятельный шаг рабочей печати. Нет ничего удивительного в его появлении в среде Союза, осознавшего задачи рабочего класса и сгруппировавшего в своих рядах сотни петербургских рабочих 1. Весной 1879 г. Союз был однако разгромлен. Вновь, как и в годы деятельности

чайковцев и землевольцев, в среду рабочих направляются революционеры, теперь-

народовольцы.

Успех народовольцев среди рабочих на первых порах облегчен тем, что специфические народнические лозунги у них были отодвинуты на второй план, и о том, например, что рабочему нужно итти пропагандировать в деревню, теперь и речи не было; в тоже время основной лозунг «Народной Воли»— свержение самодержавия— рабочему был знаком и по программе Союза. И мы видим, что рабочая организация народовольцев принимает размеры, которых не имела ни одна из прежних организаций.

Однако участие рабочих в народовольческой литературе, которая обладала специальным рабочим журналом и издаваемыми от времени до времени листовками, до настоящего времени мало выяснено. Рабочих не было среди авторов статей «Рабочей Газеты», но у нас есть документальные данные, которые указывают все же на сотрудничество рабочих в народовольческой прессе.

Они отрывочны, правда, и относятся большею частью к 1884 г., когда общирные аресты, продолжавшиеся в течение всего года, дали в руки правительства много различных материалов. Но и для более раннего времени есть тоже некоторые ные. Так, например, когда был арестован в декабре 1881 г. Петр Теллалов, то среди рукописей, у него найденных, был ряд рукописей, написанных рабочими. Так, в протоколе осмотра этих рукописей (ни в подлинниках, ни в копиях до нас не дошедших) находим два стихотворения (одно начинается: «Спи, проклятое отродье», в другое «Вот уже и первое марта сего года») и, по словам протокола: «как по внештему виду обоих стихотворений, так и по их содержанию можно заключить, что они писаны простым рабочим»; здесь же находим также рукопись принципиального характера «Провинциальные (так в протоколе) воззрения на террористическую партию», писанную, по словам протокола, тоже «простым рабочим». Как показал позднее А. Борейша, ее автором был рабочий Балтийского завода. Эти рукописи только часть дошедшего. В записной книжке, которая была взята при аресте того же Теллалова, среди других записей касательно рабочего дела находим также заметку о «письмах рабочих»². Правильное понимание этих фактов будет установлено только тогда, когда мы примем во внимание, что Теллалов был в это время главным руководителем рабочего дела и что им был издан третий номер «Рабочей Газеты». У другого народовольца — А. Борейши, действовавшего тоже среди рабочих и арестованного одновременно с Теллаловым, была взята рукопись «Эксплоатация рабочих на Балтийском заводе». По показанию Борейши от 18 января 1882 г. эта рукопись «есть попытка рабочего, какого именно — не знаю, изложить жизнь и зависимость рабочих, собрать факты о заработной плате, о штрафах и о вычетах для того, чтобы, как предположено было мною, призвать рабочих к самопомощи, к устройству касс для взаимной помощи» ⁸. Аналогичных данных можно было бы привести, полагаем, не мало. Однако значительная часть того материала, которая относится к 1880— 1881 гг., погибла безвозвратно, так как среди ранних дел Департамента полиции уничтожены были в свое время те дела, в которых были копии документов петер-бургского жандармского управления. В подлиннике же документы сгорели в феврале 1917 г.

Как бы то ни было, и эти факты (их можно было бы умножить, если привлечь, редакционные материалы «Народной Воли», захваченные весной 1882 г. при аресте Ив. Калюжного в Москве) показывают в достаточной мере, что рабочая литература в 1881—1882 гг. и в форме корреспонденций, и в виде статей не прерывала своего

В нашей литературе давно уже были указания на то, что в 1883 г. вышел номер рабочего журнала. В известном справочнике В. Бурцева «За сто лет» этот журнал был отнесен к Екатеринославу. Но несколько лет спустя в воспоминаниях хорошо знавшего, как ниже увидим, ростовские на-Дону отношения В. Панкратова, бывшего шлиссельбуржца, оказалось сообщение, что именно «центральный кружок» ростовских

(показание А. Борейши).

¹ Г. Плеханов, Русский рабочий в революционном движении, Соч., т. III, М., 1923, стр. 197—199; А. Щилов, Последняя страница из деятельности Северно-русского рабочего союза, «Красная Летопись» 1922, № 2—3, стр. 285—292 (ср. «Пролетарская Революция» 1922, № 3, стр. 122—124).

² Особое Присутствие Сената, № 65, дознание, т. 1, лл. 10 об., 18; т. IV, л. 44

³ То же дело, т. I, лл. 75, 264 об.

Голосъ рабочаго народа

живущаго и работающаго у подлеца макселя.

Полно намъ. друзья, слатъ, пора проснуться и ла дъло взяться!

Мы живемъ пятый годъ въ домі Макселя. Объщаль намъ хозяинъ всякихъ милостей, да не дождаться намъ отъ него ничего, какъ отъ козла ни шерсти, ни молока.

Вогнали насъ жить въ домъ Макселя, да заставили платить за уголъ по 2 р. 25 к. въ месяцъ съ каждаго человека. Теперь, братцы, насъ живетъ тутъ более 300 человекъ, значитъ, за четыре-то съ лишнимъ года мы заплатили хозяину за одну квартиру более 85 тысячъ.

А онъ, свинъя, не доволенъ нами, и есян кто захочетъ по своей надобности вытхать изъ этого проклятаго гнъзда, такъ сайчасъ даетъ разсчетъ и говоритъ:

— А! Такъ ты хочешь получать жалованье, а не хочешь у хозяина въ домѣ жить! «Хозяинъ тебя кормитъ, — значитъ, ты ему и свой заработокъ отдай: а не хочешь—ступай на всѣ четыре стороны!

А нешто братцы, кормить нась онь? Вишь, бъдный, самь голодомъ сидитъ!—видно оттого у него и пузо-то лопнуть хочетъ!

Нътъ, братцы! онъ отъ насъ голько и кормится! Мы ему каждый день зарабатываемъ не одну тысячу!

Вспомните, братцы: когда онъ насъ насильно лналъ жить въ свой домъ, такъ говорилъ, что въ домѣ будетъ и училище, и родильная комната, и для свадебъ комната!

. А теперь что ссть?

.Такъ будемте, друзья, поумнъй!

Не будемъ больше платить по 2 р. 25 к. въ мѣсяцъ за квартиру, а будемъ давать только по 1 р. 20 к. А то скоро, пожадуй хозяинъ совсъмъ разжиръегъ. — сядетъ на насъ да и поъдетъ.

И безъ того мы ему вмъсто 50 аршинъ работаемъ 55, а получаемъ всего 40 копъскъ. Также и на мюдьныхъ: вмъсто 33-го номера, работаютъ на 35-мъ. а получаютъ за 33-й

Вотъ какъ намъ хозяинъ заработокъ отпаетъ! .

Это, братцы, очень обидно.

Встанемъ же подружнъй, надавимъ хозяина, подлеца, посильнъй, да будимъ говорить посмълъй!

Братцы! ВСБ ЗА ОДНОГО. ОДИНЪ ЗА ВСБХЪ!

8 +евраля 1879 г.

ЛИСТОВКА «ГОЛОС РАБОЧЕГО НАРОДА, ЖИВУЩЕГО И РАБОТАЮЩЕГО У ПОДЛЕЦА. МАКСЕЛЯ», НАПИСАННАЯ РАБОЧИМИ И ИЗДАННАЯ ЗЕМЛЕВОЛЬЦАМИ

С подлинника, хранящегося в Ленинградской Публичной Библиотеке

возможно, что этот экземпляр с пометкой «Литературный Архив» принадлежал архиву «Народной Воли», хранившемуся сперва у В. Р. Зотова, затем перешедшему к А. С. Суворину, вместе с библиотекой которого он попал в Ленинградскую Публичную Библиотеку.

«РАБОЧИй» 96

рабочих «в конце 1883 г. издавал гектографированную газету, статьи которой были писаны исключительно расочими» 1.

Теперь, когда стали доступны и частные, и правительственные архивы, сведения об этом журнале еще умножились. Так, в одном из писем, которое Лопатин в 1884 г. писал за границу Тихомирову и Ошаниной, в письме от 2(14) апреля этого года, находим детальное упоминание об этом издании: «Я видел «Рабочий Журнал», издававшийся в Ростове с участием рабочих. Это — толстый литографированный том. Но я не мог выпросить для Вас единственный имевшийся тут на время экземпляр, и даже сам не успел просмотреть его, хотя это интересная вещь». Еще одно — и точное к тому же — указание находим в показаниях известного народовольца, впоследствии шлиссельбуржца, С. Иванова, которое он вынужден был дать, так как во время арестов и обысков в Ростове у Г. Ранца были захвачены его бумаги, среди которых оказалась также, как обозначено в протоколе обыска, «прокламация к военным под заглавием: «Письмо к солдатам». В одном из первых своих показаний после ареста, 28 января 1886 г., Иванов сообщил, что в конце 1883 г. был издан сборник «Рабочий», где было и это письмо, что сборник распространился в Ростове и в Харькове, и что затем в Харькове было намерение переиздаты этот сборник 2.

Всех этих данных совершенно достаточно, чтобы установить место издания журнала — Ростов (а не Екатеринослав), время его выхода в свет — конец 1883 г. (в чем сходятся почти современное показание Иванова и воспоминания Панкратова) и идентифицировать благодаря расследованию относительно «Письма к солдатам» все эти указания с тем изданием, которое мы выше частично воспроизводим. Одно только труднее --- сказать, каково было действительное название нашего журнала. Имеющийся в нашем распоряжении экземпляр, единственный, повидимому, сохранившийся, если только нет другого в ростовских архивах или библиотеках, не вмеет ни обложки, ни титула, а начинается прямо «Письмом к солдатам». Лонатин, как мы видим, называет его «Рабочим Журналом», а Иванов — просто «Рабочий». Повидимому, последнее вернее, так как в показаниях привлекавшегося в 1886 г. в Екатеринославе к дознанию рабочего Збукарева фигурирует «распространяемая А. Карпенко (о его роли — ниже) газета «Рабочий» 3. Кстати, Бурцев тоже говорит о «Рабочем» (именно этот факт распространения «Рабочего» в Екатеринославе позволяет об'яснить то, что Бурцев отнес журнал к Екатеринославу). Нам остается теперь указать, на какой почве возник «Рабочий».

Ростов-на-Дону в эти годы, в начале 80-х годов, переживал время довольно значительного роста. По официальным данным в 1879 г. на 58 фабрично-заводских предприятиях Ростова было занято 2 687 рабочих, а в 1884 г. на 77 предприятиях рабочих стало 5 229, т. е. число их увеличилось вдвое. В то же время революционеры давно обратили внимание на Ростов, а некоторые здесь даже начали свою революционную деятельность. Достаточно упомянуть для 70-х годов имена В. Осин ского, Л. Гартмана, М. Попова, Тищенко, А. Михайлова, Г. Плеханова. Плеханов, бывший здесь 1878 г., лишет в своих воспоминаниях, что «лично знал» в Ростове «революционные рабочие кружки». Известный бунт в Ростове в апреле 1879 г., жотя и не рабочие его устроили, имел свои положительные результаты: «Воспоминание об этой «революции», — пишет Плеханов, — долго еще ободряло рабочих как наглядный пример того, что народ может дать хороший урок даже и всемогущей в России полиции». Только в Ростове удается после 1 марта 1881 г. зарегистрирофакт рабочих откликов, и довольно серьезных на акт цареубийства» 4.

С 1881 г. мы в состоянии также точнее выяснить образование той среды, из ко-

торой вышел «Рабочий».

В ее создании участвовали и местные революционеры, но не малую роль сыграло то значение, которое и общерусский центр, и харьковский центр придавали Ростову, посылая туда пропагандистов. В 1881 г. туда был отправлен из Петербурга Желва-Харькова зимой 1881 г. отправили Сергея Линицкого. Но когда 6 мая 1882 г. Линицкий приступил к деятельности среди рабочих, он уже встретил здесь будущих шлиссельбуржцев — Вас. Панкратова и К. Мартынова, которые вместо Петербурга очутились в Ростове именно потому, что, как пишет Панкратов, «Народная Во-

1 В. Бурцев, За сто лет, Лондон, 1897, стр. 121; В. Панкратов, Из деятельности среди рабочих в 1880—1884 гг., М., 1906, стр. 21.

² Подлинник письма Лопатина находился в свое время у покойного П. Е. Щеголева — нам известна его копия; протокол обыска у Г. Ранца — Дело Петербургского Военно-окружного суда, 1887 г. № 298, т. VI, л. 132, показания С. Иванова — там

же, т. X, л. 39 об. ⁸ Дело Министерства юстиции. 1886 г. № 10145, л. 431 об. 4 С. Валк, Молодая партия «Народной Воли», «Проблемы Марксизма» 1930 г., № 1. стр. 96; Г. Плеханов, Соч., т. III. стр. 190—192; С. Валк, После первого марта. «Красный Архив» 1931 г., т. 45, стр. 153.

ля» с весны 1882 г. обратила внимание на «промышленные центры». Можно было бы назвать еще ряд лиц, командированных в Ростов для деятельности среди рабочих, как

то: А. Баха, И. Елько, Л. Ясенича, И. Антонова и др. 1

Однако на месте была также своя молодежь. И об ее настроениях писал в своих давних, анонимных еще по условиям цензуры, воспоминаниях П. С. Пешекеров, что члены этой подгруппы «только с того момента стали себя считать активно и полезно действовавшими членами партии, когда нам открыли доступ к рабочим и стали поручать вести пропаганду среди них», а один из них, Рафаил Чернышев, преждевременно арестованный, «так до конца жизни (умер в 1886 г.) мучился сознанием, что он не мог поработать для дела так, как ему хотелось только потому, что он не работал среди рабочих, котя он отдавал все свое время для революционной работы, но только на другом поприще». Из бывших в Ростове чугунолитейных и механических заводов, табачных, писчебумажных и других фабрик основным центром пропаганды служили железнодорожные мастерские, и именно здесь создался тот кружок рабочих, из среды которого вышел журнал. Центральною фигурою этого кружка, его несомненным идейным главою и авторитетнейшим организатором, был, по общему признанию, рабочий железнодорожных мастерских Андрей Карпенко; вокруг него же вырастал, как мы бы теперь сказали, актив организации, среди которого нам известны оставившие свой след в развитии деятельности среди рабочих на юге Биталий Кудряшов и Василий Горбунов. мы можем котя бы отчасти восстановить тот литературный материал, на котором вырастал кружок. По указаниям Пешекерова и Панкратова здесь читали неизбежных в то время Лассаля, Флеровского, Чернышевского (примечания к Миллю и др.), но Панкратов указывает, что знакомились также с Марксом по Зиберу, а, перечисляя ту литературу, которая изучалась в подготовительном ученическом кружке, Пешекеров специально упоминает «кружок, который штудировал первый том Маркса». Вопрос о знакомстве и усвоении некоторых сторон учения Маркса, который будет иметь значение при характеристике издания, решается определенно современными показаниями о деятельности Карпенко, когда, будучи вынужден покинуть Ростов, он перенес свою работу в Екатеринослав, где поступил осенью 1884 г. в железнодорожные мастерские. Здесь, создав кружок из рабочих мастерских, Карпенко, по словам одного из них — Збукарева, «читал им статьи по политической экономии из сочинений Маркса, Лассаля и других, толковал их, а также нередко прочитывал и революционные издания». В этом показании, как видим, Маркс поставлен на первом месте 2.

Не лишне привести также несколько указаний относительно уровня этого кружка, когя прежние цитаты уже дают об втом некоторое представление. Карпенко, по словам Пешекерова, «не уступал по своему развитию многим интеллигентам (у него, между прочим, была собственная прекрасная библиотека, приобретенная на заработанные деньги)», и Пешекеров «всегда поражался, с какою простотой и с каким умением Карпенко и Кудряшов передавали и комментировали рабочим некоторые сложные вопросы политического и экономического характера, исходя из маленького конкретного факта и переходя к широким обобщениям». С Кудряшовым, который в 1883 г. побывал в Воронеже, здесь встретился на революционной работе М. С. Ольминский, тогда еще кончавший местную гимназию. Его отзыв вполне совпадает с отзывом Пешекерова. Он пишет, что при столкновении с рабочими интеллигентам давали себя знать «оторванность от повседневной народной жизни», а также «недостаточность собственных знаний». «Особенно резко,— продолжает Ольминский,— это бросилось мне в глаза, когда из Ростова приехал рабочий Виталий Кудряшов: он основывал свои мысли на политической экономии, а мы до нее, выражаясь ученическим языком, еще не дошли» 3.

Всякое пробуждение сознания рабочих должно было повести к тому, что рабочий шел к осознанию своих классовых задач, и некоторые пропагандисты-народовольцы не могли этого не замечать. Так, не раз цитированный нами Пешекеров, имевший ближайшие связи с кружком, издавшим «Рабочего», пишет, что пропаганда «среди рабочих как класса, имеющего свои отределенные интересы—и прежде всего экономические, должна была исходить из этих интересов как наиболее понятных и близких им, рабочим». Арестованные в 1883 г. елисаветградские деятели изложили тогда же, в написанном ими во время дознания документе, приемы работы приехавшего к ним из Ростова рабочего Вас. Панкратова (ранее работавшего вместе с начинавшим свою революционную карьеру Карпенко в мастерских Владикавказской жел. дор.). «По об'яснению Василия (т. е. Панкратсва) роль Дудина (местного елисаветградского про-

Литературное Наследство

стр. 68.

¹ Петербургский Военно-окружной суд, 1887 г., № 298, т. XVIII, л. 52 (показания А. Остроумова), 77—77 об. (показания С. Линицкого); В. Панкратов, Воспоминания, М., 1924, стр. 66; П. Пешекеров, Пропаганда народовольцев среди рабочих в Ростове-на-Дону в 1882—1884 гг., «Народовольцы после 1 марта 1881 г.», М., 1928, стр. 120.

² Дело Министерства юстиции, 1886 г. № 10145, л. 431 об. ³ П. Пешекеров, в сб. «Народовольцы...», стр. 124; М. Ольминский, Давние связи, сб. «От группы Благоева к Союзу Борьбы», ГИЗ, Донское отд., 1921 г.

пагандиста) должна была ограничиваться об'яснением им начал политической экономии, напирая главным образом на теорию прибавочной стоимости (прибавочного труда) Маркса и «железный закон рабочей платы» Лассаля, а также выяснением экономического и социального положения как рабочих русских, так и западноевропейских. Рассказы о рабочих движениях за границей (ассоциации, союзы, стачки) также недолжны были быть выпущены из виду. Ознакомление же как с чисто социалистическими принципами, так и с программой «Народной Воли» могло последовать только после того, как невички хорошенько усвоят раньше намеченную программу». Если это и не была социал-демократическая пропаганда, а была все же пропаганда народовольческая, то во всяком случае на таком повороте точек зрения народовольческих пропагандистов сказывалось воздействие той самой среды, которую они хотели ввести в рамки народовольческой организации 1.

Частично публикуемый выше «Рабочий» может служить показателем того, как шел рост классового сознания рабочих в среде, которая идеологически была под воздействием народовольщев и в которой — а так в противоположность Петербургу обстояло

дело в Ростове — еще не раздалось слово классовой пролетарской пропаганды.

Все статьи «Рабочего», как это явствует и из подписей, написаны рабочими. Здесь есть и общеполитические материалы, есть и научная популяризация (последняя часть нами не воспроизводится). Обе эти части в достаточной мере характерны для выяснения физиономии ростовского рабочего журнала. Открывается «Рабочий» «Письмом к солдатам», где наряду с теми, которые «чуть ли не вчера, облитые потом, стучали молотками на фабриках и заводах», говорится и о тех, которые «чуть ли не вчера ходили по родным нивам с косою или плугом». Точно так же во второй статье по поводу коронации речь идет о том, что «крестьяне думали» относительно коронации, и о том, чего «фабричные и заводские рабочие ожидали». Здесь же категорически поставлена и проблема политической революции, пропагандируемой «друзьями народа — социалистами», и она связана еще без отчетливой классовой постановки вопроса с тем, что царь теперь, «как прежде». защищает интересы «дворянства да кулаков и капиталистов». Во всем этом мы найдем вместо классовой постановки задач знакомые народовольческие мотивы. Не трудно здесь же отыскать и лассальянские мотивы правды и справедливости (идущие, впрочем, и от народничества). Однако при всех этих несомненных влияниях заслуживает внимания то место. которое заняло учение Маркса в умах ростовских рабочих и на страницах их журнала. Уже третья статья журнала трактует вопрос о безработице в связи с гибелью мелкой премышленности и с ростом крупных предприятий.

Здесь не публикуется популяризующая Маркса статья «Товар и ценность», которая шаг за шагом на протяжении % листа ведет читателя, начав с выяснения потребительной стоимости, к учению об общественно необходимом труде, а затем останавливается на стоимости и цене. В заключение читателю предлагаются две задачи — он должен опровергнуть два возражения на изложенное учение о стоимости (отметим, что везде она называется ценностью). Первая — на земле найден бриллиант, на что затрачено полминуты труда, чтобы поднять его; за бриллиант дают 200 р.; следовательно, полминуты труда дают 200 рублей. Вторая задача — возражение Бастиа: пуд масла, привезенный из Лиона в Париж, непроданный там и отвезенный обратно в Лион (5 дней труда = 10 руб. + вторые 5 дней труда), увеличит ли свою стоимость вдвое?

Напечатанные далее в ростовском журнале «Записки по политической экономии», такого же об'ема, детально выясняют образование прибавочной стоимости. Заключительная часть этого отдела васлуживает особого внимания, -- она ставит вопрос роста сознательности масс условием грядущего крушения политического и экономического строя. Мы читает здесь: «Все более и более пробуждающееся сознание рабочих масс, расширение их политического и общественного развития, их цонимания экономических явлений все чаще и чаще проявляется в виде протестов. Сквозь гнет политического и экономического насилия и порабощения все чаще и чаще вспыхивают схватки тружеников-пролетариев с эксплоатацией капитала, все громче и громче раздаются среди рабочих масс всех стран и национальностей требования экономических и политических прав, а это все указывает на то, что прочность современного экономического порядка является только вопросом времени». Это — мысли, вызванные уже не теориями правды и справедливости или взглядами на самодержавие как только покровителя капиталиста, здесь мы видим пробуждение классового сознания рабочих масс, постановку политической проблемы как момента классовой бооьбы рабочего класса, мысль о международной борьбе рабочих против капитализма. Все это мотивы не народовольческие, и их наличие наряду с народовольческими мотивами первых статей показывает, что шаг, сделанный в Петербурге Северно-русским союзом русских рабочих не без прямого влияния западных программ, ощупью делался под влиянием Маркса и в Ростове. Кроме этих политико-экономических статей в «Рабочем» есть еще «Очерки истории

русского народа». Предисловие к этим очеркам, напоминающее своими упоминаниями

¹ П. Пешекеров, ук. ст., стр. 123; С. Валк, ук. ст. «Проблемы Марксизма» 1930, № 1, стр. 98.

PAROTAR BAPA

33 C.

Rereptypre, 15 perpar

Слования, оприсоранцы что неданно завения Истербурек были престоляет ит танным ти остана нами правительственные инповы хотбан распустов и на постоя слухи, что взалени втихь в пода на нами правительственные инновы хотлам распустков и полнеставичахи, что чедалеля этихь о долу поделе дольно, губитель и только остородые, - чтоб сельно быдо детно наминаться при этихе безпередках. Не втрите этому ораги» Правительно хочеть годько хучалить изменения друга, селиственные берцы за васт син хотлам намь поклать наше положене одно хотлам каленты изменены и добиться пучинах пеложения и чему вы такь бъдствуемъ, --хотлам мась института завиже при котлам на добиться пучинах пеложения и что мы вистем отъ ника жудого? Они хотъзи видчо нема гозория: правду - хотъям намъ гомочь и за тго правитольство ихъ гонить, арестусть, въщаеть, мучить ат поримахъ и на наторга и ваково наша положе, не, братцы, вышелине или народе, сотверенные то иницета, безкречной и безгламизание подавляеправительствомъ, получиваемые на фаврилахии заведать призираемые своими, холлевани что выжень за стой непосильный трудъ, за свий струдние получаем или 1 10 че, съ раниято у тра до поливито вейств из фабрике, на ночи не сырыми и деневили подвалами са прау-голодиой сечьей-чету инденди, на венедеемеротаемъ мы свойвътви того скудный зароботоль из котоый мы жиземь и тогь монеть. Быть гесмо отчить рысчетомъ холиния, или нашей болжиным, в тогда сморть или житль съ милостыни, и такъ прийдется намажить пъвзиной работа и нь бъдноски, если мы съми не постоимъ, ято данась заступится, отъ саго измъ ждать Помощи, не ота Правиталство ян которое по всемъ поддеръзнасть непинкаосолиеть нив обирать насъ, подавляеть ясяког, омине противодайные голье желание хоть нечного у минита свое теломеніе запрещаеть намъ стачки запріцавть вступле в тупленіени въ соющь и за участія въ стачка за и союзаль и по одному теавью подеорънию, заключаеть изсь вы тюрьть, и семнаеть из католу, индумывлень и чперта, этобы насть еще лече можно было закрепостить ходины Веполните, братцы, закастовку и и повой буматопридильные прошлаго года, элчто тамъ сосчани сорове аучаниль людей иль или иха, товорищей двъ пары яв 10го-же года, 34 что выстали больше семисоть рабочих»; не налгатся зе наме на факрикантень, ксторие на наши трудовыя кольдки, наживаются, нашиль потома вытамуся, пачей кровью иликраются, як интересахы вотогых в лежить какь можно меньше измъ дать и кака можно больше съ вост салвать и нехуже ди все седновится намъ, братцы. Не такъдавно еще, двтъ дъекть, пяткатцоть тему нерадъ, Наш в братъ, пошедши на вароботктогь иногда и его и больне Зароботать въ месенть. А во семидлентимъ году нередко и по досрублей отмини, а телере сестриднять на шводахъ и прегоднять На озвременть, а иноглая того менеше а подети увеличивые и жизне влаопожала и не всегда темеро работу сандента; Ието братцы неотиплавительства. Ин OTE YOURSES HE MIST HOME TO MODEL I TAN TRAIN FLACTE IN ANY ACQUISE - PREFURNITION IN 188 SCENE, NOW, BURNE. нто и на ивольно живется на руси, дая тъхъ. Которые отновы кабалили . . . . 6 - ю важно, чтобъ път бълж подовивны, чтобт? пы всявде остледнись въкчной скотигой, на которуй жожно выдебы работать сволько утодно, чтога ны приседь за могле сознать веда несположенивости и тажесты нашего положенія -чтовы мы никотля Медодумани у спосить себя спое долговачное такство, завенть овои справедивым праза не ждать нежь от миха помещи, мы сами должны себь пенечь, мы сами должны себь устроить и обезпечить свое положение на вышей стерона пуве, ил нашей смаш. Спачала ще быле не паколь не хозловь. не читовникова. Вся демяя раская пригодярныма марыта кольте кольте по раскитивреда, унись Эту менно осин из но За на-MM OCTAIGES TIMES BEARETS GO HA DOUGHE ROSCONTE RISSIONAL PROTUNTS. THE VAR HEIGHT COREPORTED SOCIAL PROPERTY вет редакчили у предремя школы и ключене тота вания и желения дочага, но неши этудоры дене и состужен ны фабрила и завелы, чак наших к рядоль. И опать на наши са день и создана семьсерь послиния завель, чак наших ли возкожность всеми, за искочениемъ самихъ егод леть и пользоватся истога радостами жисти, мы и только мы выракотами себі право на существенняю; круголь себя мы видият, хищ меть правительства, продыжаеть сиц-HODIAMOSTERA, BANNOSTE FOCKOME IN SECRETOR APPEARS OF THE COURSE HAS MINISTED CTOPINE HOMEOTERNION CHAR, HAши интересы како обнаму ощи интересы всего придадолены по потить все сословя, должны унические всего придадолены по потить всегословя, должны унические всего по что было и есть не спровадивате, мы вывесто буществощей ныше се Человические и полочинать ворывы всёго протоку искух привоставшиеми притете существой съободу для эстал теме, ими кезпривые но мыгдожы витеть советил Народовть русскими получило во сбире-полнелийи ту этило Которой члаться в теперы дапы правительство дам сообны работавште фаврикахъ и заводахъ на воторыхъ такъ напо на тодло вородани ле воруютъ инга, труде, чи дачжим оденател обладательны отного фобрыка И одродого, мытельты уг истенные должны элелать. ся свойодныць мы Долуны отсовать себь своя погавощения пувы, не пестагь изсь всь, которым хорошо живется при Изшент элестерь. И протожнеть протиры настась на которых в корыстоловке заглушило всяки мело--выеска чусти все она возованать этемамуском чесправедивым прои въ наст. до тёхъ поре пока яви радовацения поле мы не соединены все одними общими дваомь, мы инчесе не въсстоянии вудемь сделять, кы ме, пресстания приме замерациициятся, въсста голоса залюзы когла насъ будуть дасить, когде вы вудемь погиста оть чрезмин во работы и импилты но спар наша въ нашенъ единоруши въ нашей сплоченности, когае вы рудент, парта гиогъ, сообщо за одно— говъд пишкай сила на устоить противъ, насъ посмотритъна нашихъ, братьевъ в энгле во оранцие эмерика, германій у других государствахть не смотря на вет гоненія, на тех препателня со сторон и правительства, их в союзет этаситываютымийны часноважены мы, уч они были славы, иска вынаразоощены из селеры они тух эки с союзы тих они отножи кы побылы и такы приготовияся кы ворых, братцыбудены соединя смя они отножи кы побылы в приготовияся кы ворых, братцыбудены соединя смя разенства и каксито освобожденыя пригоземы всыхы вы нашы союзы госудины сосоща свое призовента в служноства и светтр освобожденыя призовента встата во пашья соють обсудить соотце спое
принцеть средста курствийной борьбе дружь защищать слок права волстать
прочить болюго, высимый дечетом намы отнашиться, если изсколкихы иль нашихульукахы, оно намы принамепорынутыть сойторты на катором в того тревуеть кажая ворьба вудущее вы нашихулрукахы, оно намы принамепорящение и ответствующей должных вирова вудущее вы нашихулрукахы, оно намы принамепорящение и ответствующей должных вирова ворьбу съ Правитель творты и хозяссами съ нынашинить Обществомы
от в гранитель на номуюжимы

«РАБОЧАЯ ЗАРЯ», НАПИСАННАЯ РАБОЧИМИ И ИЗДАННАЯ «СЕВЕРНЫМ СОЮЗОМ РУССКИХ РАБОЧИХ»

Manualina Conquiero Pas crimo C poss.

С подлинника, хранящегося в Архиве Революции и Внешней Политики в Москве

о крестьянстве наряду с рабочими первую статью «Рабочего», стоит того, чтобы его привести целиком. «Тяжело живется русскому народу теперь на Руси; со всех сторон его притесняют все, кто мало-мальски считает себя выше серого мужика, обирают его, сколько своей душе угодно: запрету для них нет, закону для обирателей не писано: царю ли батюшке нужно на разные веселья, министрам-чиновникам ли нужно на хорошее житье в столице, войско ли царское надо увеличить или опять прибавить жалованье начальству — все подавай мужик, хоть околей, а подавай — нельзя же господам из-за каких-то холопов удовольствия лишиться — на то они и господа, чтоб мужик на них работал. А посчитайте-ка становых, урядников и тому подобное начальство, которое для того и приставлено, чтобы мужика держать в страхе и повиновении и чтобы он подати платил; да прибавьте сюда всех попов, мироедов, кулаков. Кто из них не обирает мужика, кто его не грабит? Опять — рабочие, что на фабриках или заводах работают по 14 или 15 часов в день, неужто им корошо живется? Да вот сосчитайте: рабочий мужчина получает самое большее 50 коп. в день (за 14 часов-то!), а женщина 20—25 коп., а о здоровье и говорить нечего — всяк знает, какое на фабриках помещение, какой воздух — хуже, чем в аду. А сколько народу мрет от разных болезней на фабриках и изувечивается машинами от тесноты помещения—то и пересказать трудно. На кого они работают-то? На тех же господ-фабрикантов, да на разное начальство. Неужто рабочему достается весь этот бархат или шелк, что он на фабриках делает? Да, как же! Скажи спасибо за холст, да за то, что ты покупаешь втридорога у кулака-торгаша. Да и диво же! Сам рабочий, примерно, своими руками делает этот самый холст, что он должен потом купить у кулака. Отчего же это? Отчего мужик или рабочий, которые всю свою жизнь проводят в тяжкой работе, живут в нужде и нищете, а разного рода господа, которые и палец о палец не ударят, живут всласть и в свое удовольствие? Отчего царь-батюшка, богом данный государь, который будто бы только и думает, как бы народу жилось хорошо, не только не запрещает всяким господам грабить тот же народ, но и сам помогает им в этом всеми своими силами».

Далее следуют главы — «варяжество и визиантийство» и «татарщина», основным содержанием которых является то, что вначале, «далеко а тысячу лет тому назад на всем пространстве русской земли жили земледельцы, пахари-крестьяне; тогда не было ни бар, ни солдат, ни чиновников», но затем свободная община гибнет; уже варяги делают этот народ, «прежде свободный, вольный, сам себе господин», рабом, колопом под властью разбойничьей шайки», и на шею его садится «целая орава «тунеядцев». Любопытна и характеристика политической роли православия, которое «мечом и огнем навязывали народу». Роль татарщины изображена с той же народнической точки зрения, как княжеской опоры в дальнейшем угнетении народа. Очерк

обрывается на закрепощении крестьян.

Несмотря на смешанные идеологические мотивы сборника, его издание самими рабочими, заполнение его сложным материалом не только публицистическим, но и историческим и в особенности политико-экономическим, где господствует Маркс, показывает несомненный этап по пути роста классового самосознания рабочих, по пути их

оформления в самостоятельную, со своими классовыми задачами партию.

«Рабочий» был издан в виде ненумерованной гектографированной тетради, на белых листах конца которой (перенумерованных, начиная с единицы) были припечатаны «Записки по политической экономии». Первая часть «Рабочего» воспроизводится выше. Те части «Рабочего», которые не воспроизводятся в настоящем издании, имеют характер исторической и политико-экономической популяривации и были охарактеризованы выше. Эти популярные статьи имеют пометки о том, что продолжение их последует, и издание этого номера журнала казалось его инициаторам, таким образом, лишь началом. Но номер журнала остался единственным и одним из самых богатых по составу своих статей журналом этой эпохи.

С. Валк